

ПАЧКА ПИСЕМ

(Из переписки с А. Ф. Онегиным)

В конце 1927 г. в Париже скончался Александр Федорович Онегин-Отто, имя которого тесно связано с Пушкинским Домом нашей Академии Наук и хорошо известно всем почитателям великого поэта. А. Ф. был не только собирателем и владельцем драгоценнейшего Пушкинского музея в столице Франции, перешедшего теперь в собственность и состав Пушкинского Дома, но и помимо этого — очень интересной и своеобразной личностью. Это был цельный, оригинальный обломок старой эпохи 60-х годов прошлого века, в юности эмигрировавший за границу и удивительно хорошо сохранившийся в условиях чужеземного быта, вне непосредственных влияний русской действительности. В старости он тяготился жизнью на «чужбине» и в то же время не мог и не хотел от нее оторваться; но, как бы взамен родины, Онегин создал себе в Парижé уголок, в котором царил Пушкин и современная ему русская литература. Поклонение Пушкину, выразившееся в многолетнем и упорном собирании всевозможных материалов касательно его и современной ему литературной эпохи, заменяло Онегину (принявшему, из благоговейного почитания к великому «гению русской жизни», даже фамилию одного из его героев) и родину, и семью, и друзей, скрашивало его одинокую старость теплом и светом духовного служения интересам России.

А. Ф. в житейском смысле, по крайней мере в старости, не был особенно общителен, но он любил и искал встречи с людьми, которые так или иначе могли бы быть полезны его «музейчику». Этот «музейчик», скромно и тесно помещавшийся в двух комнатах типичного парижского дома на Rue de Malignan 25, был для его владельца в полном смысле слова «литературным храмом», в котором Онегин долгие годы «молился» Пушкину среди наваленных повсюду книг, картин, портретов и предметов бытовой обстановки той эпохи.

Мое личное знакомство с А. Ф. Онегиным началось в августе 1906 г., во время краткого пребывания моего в Париже, когда я посетил его «музейчик». В последующие годы это знакомство нашло свое продолжение в переписке, часть которой сохранилась. Из этой небольшой пачки писем ко мне А. Ф. я позволяю себе привести несколько отрывков, имеющих интерес для характеристики этой во всяком случае незаурядной личности. В письмах А. Ф. много личного элемента; я постараюсь его устранить, но это не всегда легко сделать без ущерба делу: симпатии и антипатии Онегина имели часто не одну только личную, но и общественную или литературную подкладку.

Вот несколько отрывков из писем ко мне А. Ф. Онегина:

1. Из письма от 26 апреля 1903 г.¹

«Мне приятно было получить Ваше письмо и потому, что Вы так отзывчиво отнеслись к попытке здешних русских основать свободную высшую школу с возможной — при весьма ограниченных средствах — приличной обстановкой придатков к ней, между которыми библиотека, конечно, один из важнейших, и потому, что Вы отнеслись весьма любезно к моему детищу, Пушкинскому музею, а также и ко всему, относящемуся до В. А. Жуковского, сын которого лучший друг мой с самого детства . . . Школа однако в июне будет уже закрыта. Вам не безразлично узнать, что материальное ее обеспечение, благодаря случайным щедротам, поставлено прочно на несколько лет вперед, а там . . . ну, опять случится что-нибудь новое, для нее благоприятное.

У меня имеются материалы и относительно Жуковского. Они будут печататься в «Известиях Академии» вообще, а в частности ими воспользуется А. Н. Веселовский и в своей книге о Ж.² и в таковой под общим заглавием «Памяти Ж. и Гоголя», имеющей появиться осенью текущего года. В этой последней будут и воспроизведения рисунков Ж. и к Ж., а потому уместны

¹ Переписка началась несколько ранее нашей личной встречи с А. Ф. по поводу моих вопросов к нему в связи с моей работой о Жуковском («Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского» Юрьев. 1903). В оригиналах письма писаны старой орфографией, но без еров, обычно на голубоватой почтовой бумаге, твердым и четким почерком; одно писано на карточке, два на почтовых открытках. Все письма писаны из Парижа, Rue de Marignan 25, с точным обозначением даты. Многоточия в публикуемом тексте обозначают пропуски из оригинала тех мест, которые имеют исключительно личный характер.

² В книге А. Н. Веселовского «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения», вышедшей в 1904 г., действительно есть немало ссылок на материалы Онегинского музея (см. второе изд., стр. 534, 1918)

были бы и снимки с дерптских домов его, портреты друзей, вид могилки идеальнойшей «Маши». Мне следовало бы ранее предыдущего сказать, что в книге названной будет затронута именно эта эпоха (время) жизни его в Дерпте (1815—1823), при чем Маша будет на первом плане.

Лично для меня важна и «мебельная» обстановка в доме З.-Ж.¹, как выяснение таковой у Пушкина, мебель, которая не сохранилась за неимением такого же друга-брата, каким был З. Жуковскому. Интересует меня еще одно обстоятельство. З. купил у Ж. Мейерсгоф — за довольно высокую цену; Зейдлицы сохранили и донесли — на то они и немцы, в хорошем смысле слова — и это имение, и дом с мебелью в Дерпте, а между тем по одному из поздних писем З. к Ж. я вижу, что он был тогда весьма небогат сам. «Тогда» это — 1823 г.² Впрочем, чужой карман — потемки. Осветить их — не мое дело, но без этого освещения письмо, о коем говорил выше, — само по себе важное и прекрасное — не ясно»...

II. Из письма от 26 января 1908 г.

«Как это приятно узнать, что, наконец, читается о Герцене³. Когда я в 1870 г. вернулся, возвращался, скорее, в Россию, на пароходе встретил русскую учащуюся молодежь, которая и имени его не слыхала, хотя и была нашей преимнейшей, т.-е. шестидесятников. Именно можно было воскликнуть: «Кто виноват?» А через тридцать лет — о! не месяцев все-таки — уже недовольны неполнотою издания сочинений Герцена⁴. Да и женевское издание не ахти какое, но как знать-каким оно должно быть, каким могло бы быть. Едва ли восстановимо. Между тем в издании участвовал, кажется, Вырубов, существо умное и денежное, но не подходящее к такому делу⁵. Трудно, полагаю, теперь что-либо сделать в полном смысле путное, ибо и семейство Герцена и друзья его

¹ Т.-е. Зейдлица-Жуковского в Юрьеве (Дерпте); о ней я писал Онегину по личным наблюдениям и впечатлениям от неоднократных посещений дома Зейдлиц, потомков и наследников друга Жуковского, д-ра К. К. Зейдлица.

² Тут Онегин допускает неточность: см. мою книжку «Памяти Н. В. Голя и В. А. Жуковского» (1903), стр. 88—89.

³ Это — по поводу впервые читанного мною в 1906/07 учебном году в Юрьевском (Дерптском) университете курса о Герцене, о чем я писал Онегину.

⁴ Имеются в виду сочинения А. И. Герцена и переписка с Н. А. Захарьиной. 7 томов. Изд. Ф. Павленкова. СПб. 1905.

⁵ Г. Н. Вырубов, принимавший самое близкое участие в издании сочинений Герцена. 10 томов. Женева. 1875—1879.

об этом не озаботились своевременно. Б. џ, впрочем, я недостаточно осведомлен. Именно, непонятная судьба. А что нет биографии и вряд ли будет, в этом виновны «мы» — я не «мы», но понимаю их, ибо тогда, при отрицании авторитетов, на все и на всех смотрели как на нечто одинаково обыкновенное и должно-обязательное. Лично я даже жертва этого направления в том отношении, что занимаюсь именно тем, материалами к чему пренебрегал, имея их перед глазами и под рукою в необъятном изобилии.

Да, Наташа ¹ крайне интересна (занимательна), да и вообще русские женщины — прелесть (любимое слово Пушкина). Вот их простоту следует и заметить и оценить, не вертясь около салонных Смирновых, Свечиных, Крюднер и т. п. Начало сделано с Машенькою Протасовою (кстати: ну вот видите, разве это политика: украсть медную доску с гробовой плиты!? Бедность более сильная даже, чем невежество, а (не) плод политического строя. Не надо восстанавливать доску, а на камне высечь ту же самую надпись в тех же размерах — мой совет...). — Мне, однако, такой фотографический снимок, о котором упоминаете, был бы приятен, ибо в Машеньку — быть может, уже писал — я заочно влюблен... ².

Араповой записки еще нелепее Смирновой и Павлищева-сына, т. е. сочинены и приноровлены ³. О стихах, чи-

¹ Повидимому, автор письма имеет в виду Наталью Александровну Герден, хотя не исключена возможность разуметь тут и Наталью Николаевну Пушкину, как об этом можно догадываться по второй половине этого письма.

² «Машенька» — М. А. Протасова-Мойер, игравшая такую большую роль в сердечной жизни Жуковского. В 1906 г. с ее могилы на Юрьевском (Дерптском) русском кладбище была похищена медная доска с известной надписью, сочиненной самим Жуковским (об отношении его к этой могиле см. в моем очерке о Жуковском: «Памяти Н. В. Голя и В. А. Жуковского», стр. 87—88). Приведенное место в письме Онегина имеет в виду мое сообщение ему, что по просьбе наследников К. К. Зейдлица я согласился помочь им в точности восстановить на могиле М. А. похищенную доску, что и было исполнено летом 1908 г. «Фотографический снимок» — это сделанный мною лично с портрета М. А. Протасовой-Мойер, писанного масляными красками и находившегося в доме семьи д-ра Зейдлица; экземпляр этого снимка я послал А. Ф. Онегину для его музея.

³ Записки А. П. Араповой печатались в иллюстрированных приложениях к «Новому Времени» за 1907 г.; «Записки А. О. Смирновой», две части. СПб. 1895; «Воспоминания об А. С. Пушкине» Л. Павлищева. 1890. При личном свидании со мной А. Ф. Онегин отзывался о «Записках» А. О. Смирновой с большой резкостью, утверждая их неподлинность и позднейшую сочиненность; он прямо указывал на то, что «Записки» сочинены дочерью Смирновой, Ольгой Николаевной, по различным литературным материалам, которые, между прочим, доставлял ей сам Онегин, и по рассказам матери.

таемых будто Смирновой, а не жене, прямо взято у Смирновой-дочери. У Павлищева, например [говорится?], о стихах, которые прочитаны публикою только тогда, когда я их напечатал, а тогда /известных. А защищать одну сестру, пачка другую, так как она сделала относительно шейного престика А. Ник., найденного случайно (!) в кровати Пушкина и т. п., — чорт знает, что такое! Но Саша¹ эта довольно загадочное существо и едва ли тоже восстановимое... А Катю² Дантес очень любил, по крайней мере как жену, впоследствии... Говорил я Вам, что Дантеса я обрел, но вскоре утратил; надеялся на сына, который одно время — случайность-то какова — жил даже в том доме, где мой «музейчик» теперь, но и он, здоровенный мальчик, — умер, и теперь тоже едва ли что можно восстановить будет, ибо все это сделалось семейным интересом людей, чуждых и Пушкину и России вообще, хотя историк Вандаль женат на дочери пушкинского Дантеса.

Поймите у Араповой, кто это старший брат, бросивший шарик в спину одного из позднейших женихов Наташи. А о Лермонтове — совершенно в духе Ольги Смирновой. А о себе — что «литературная способность», всеми замеченная уже в детстве и даже... матерью. Занимательно все-таки как канва и сообщением портретов (художественно воспроизведенных). Она бы должна была, напротив, описать жизнь матери, только на глазах ее протекавшую во время ее сознательного возраста, что, впрочем, еще, быть может, будет, ибо статья затянулась-таки. Жуковский, Плетнев, Нащокин (!), Соболевский не так о Наташе думали, да и вообще хронологически, как и у Смирновой (почти все), невозможно. Жуковский был уже за границею. Когда Россет стала Смирновой, уже П. отдавался прозе, а девочке фрейлине на суд себя едва ли отдавал. Между нами: П. ужасно скверно читал свои (и чужие?) стихи...³

Книги Naumant⁴ (это из-за нее, кажется, поднялся скандал в России, т.-е. защита памяти Т[ургенева] против неблагодар-

¹ Александра Николаевна, сестра Н. Н. Пушкиной.

² Екатерина Николаевна Дантес, рожд. Гончарова, другая сестра Н. Н. Пушкиной.

³ Интересное замечание, вероятно, дошедшее «до Онегина» по преданию или, быть может, от лиц современных отчасти Пушкину, напр. от И. С. Тургенева. Вместе с тем, оно характерно и по отношению к самому автору письма: он настолько преклонялся перед Пушкиным и считал его во всех отношениях совершенством, что о недостатках его хотя бы в смысле плохого чтения стихов мог говорить только в интимной форме.

⁴ Известное сочинение о Тургеневе: Em. Naumant. Iwan Tourgeneff. Sa vie et l'oeuvre. Paris. 1906.

ных . . . . .¹ намеков дочери Виардо, о которых я, впрочем, сам ничего не читал и во что впутываться не намерен, а мог бы..) Этот Naumant читает (читал) в Collège de France и со временем заменит столь же знаменитого Leger, знает язык русский, как ученик Leger или Boyer, был и у меня из-за Пушкина, но . . . . .², не прислал даже что-то об Онегине. Он, повидимому, и с relations, т.-е. женился на дочери изв. Rambaud, которая так или иначе не чета им всем...

«Кризис или падение?»³ Думаю, что просто эволюция и очень надолго, конца которой и Вы не увидите, а жить я Вам желаю долго и хорошо и где-нибудь получше Юрьева Лифляндского.

О судьбе моего «музейчика» будете, вероятно, слышать более меня самого, ибо, по смерти моей, он достается Пушкинскому Дому, а между тем при жизни я не почетный член Академии, не почетный член лицейского или какого-нибудь общества, не знаю, почетный ли член буду даже Пушкинского Дома, хотя мог бы и устраивать его, если доживу. Конечно, нет. Дело мое, разрешенное благоприятно царем и Коковцевым, пойдет через Академию...

Умер у нас Щукин⁴ как-то загадочно, хотя полным ходом шел к такой развязке. Ничего более того, что было в «Новом Времени», почти не знаю (он не филолог, а юрист был); сделать что-либо больше и лучше содеянного едва ли смог бы, но, конечно, жаль и его и за него. Вся семья как-то вдруг захирела всячески».

III. Из письма от 18 января 1911 г.

«С нетерпением буду ожидать появления в печати Ваших новых работ⁵ в области, сильно занимающей и меня. Что касается до несимпатичной (нравственно) личности Н. Языкова, то ничем о ней поделиться не могу. (Недоброжелатель-

¹ Одно слово пропускаю.

² Одно слово пропускаю.

³ По поводу современных политических и общественных движений в России, о которых я, вероятно, тогда писал Онегину; относительно «конца» Онегин ошибся: он наступил скорее его ожидания—в 1917 г.

⁴ И. И. Щукин, литератор и богач; научно интересовался преимущественно вопросами истории религий, жил в Париже и одно время преподавал в тамошней Русской высшей школе. Он обладал на своей квартире (Avenue de Vagram, 91) превосходной библиотекой по историческим наукам.

⁵ Я тогда готовил к печати «Языковский архив», первый том которого вышел в 1913 г. в издании Академии Наук.

ный ко мне Лернер у Ефрона истолковывает его хорошо и верно). Есть у меня его карандашный портрет, подрисованный Петерсеном в 1840 г. в Одессе (?) с оригинала Крапкова (?) 1829 г., хотя под самим портретом помечено: Дерпт 1828 г. Хорошо нарисован—по тогдашним понятиям—и с подписью: «Мы весело, мы шумно жили». Портрет окружен виноградными лозами. Сверх этого—лишь сборники стихотворений с посвящением Жуковскому, а один сборник—Н. Гоголю. В числе многочисленных писем, доставшихся мне уже позднее нашего свидания, нет ни одного от Языкова, как, впрочем, нет и много другого, чего можно было бы ожидать среди них. Но вообще зато—замечу тут кстати—просто ахнете, когда увидите... Приезжайте же «сознательно». Тем не менее, когда наступит время Вашей поездки, — надо списаться, чтобы досадно не разминуться. Ежегодно летом я бываю в Германии и недели 4 в чудном, Вам хорошо знакомом Веймаре у моего друга П. В. Жуковского, с которым Вам следует непременно познакомиться, даже если бы я и не находился тогда там. Обыкновенно это случается в сентябре (постараюсь ныне даже в конце августа — здешнего конечно). Словом, надо списаться.

Хотя я теперь гораздо спокойнее о посмертной участи своего собрания, хорошо и прочно обеспеченной, я не совсем доволен излишне бюрократичным отношением ко мне Академии. Но об этом при личном свидании...

Кислый резонер Смирновой¹ превратился у Араповой в кровосмесителя. Обе дочери кадят своим матерям, что, конечно, похвально, но ну их...² Декабрьская заметка Бартенева близка к истине, но все опять—дело матерей, а нам подавай самого Пушкина.

По «тексту» ефроновское издание самое безграмотное среди серьезных изданий, но все-таки большой шаг вперед для возможности «Академического», которое преждевременно не по времени, а по отсутствию переходных стадий. В Москве Брюсов редактирует чье-то новое издание соч. Пушкина. В добрый час. Знание и «нюх» у него имеются. Лично же я очень рад, что дожид до ефроновского окончания стихотворной части, и, быть может, доживу и до окончания остального. До вполне «Академического» не дожить».

¹ Т.-е. Пушкин, как он, по мнению Онегина, изображен в «Записках А. О. Смирновой».

² Пропускаю два слова.

ПАМЯТИ
П. Н.
САКУЛИНА

СБОРНИК СТАТЕЙ

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
«НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ»
Москва—1931